

МАРИНА КОМАРОВА

ФИКТИВНЫЙ

БРАК

РАПУНЦЕЛЬ, СЕКАТОР И КОСА-ДУШИТЕЛЬНИЦА

Марина Комарова

Рапунцель, секатор и коса-душительница

<https://litres.ru/74198224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты хотела всего лишь сбежать из башни без двери, а теперь тебе угрожает пожизненная опека, ритуальное потрошение и муж, которого пришлось нанять по объявлению? Не беда, ведь далеко не все пленницы одинаково беспомощны. Особенно когда у них есть живая коса-душительница с манией величия, дар гасить любое колдовство и совершенно фиктивный брак, который упорно норовит стать настоящим. Тут главное — не влюбиться в собственного мужа. А если уж совсем прижмёт — секатор подсобит!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Комарова

Рапунцель, секатор и коса-душительница

Глава 1

— Давай, режь уже, — велела коса, потянувшись на моем плече. — Или я начну орать. А ты знаешь, как я умею орать.

— Знаю, — прошипела я, стискивая в руке садовый секатор. — Поэтому и медлю.

— Скажена, мы это обсуждали восемь лет.

— Семь.

— Восемь. Я считаю каждую зиму, мне тут больше заняться нечем.

Я закатила глаза. Этот секатор Морана притащила прошлой весной, чтобы обрезать розы, которые она выращивала под башней неизвестно для кого. Цвести в этой глуши было просто не для кого. Разве что для ворон. Но оно им надо?

В итоге я сидела на холодном подоконнике, занеся над собственным затылком дурацкий садовый инструмент, и ладони у меня потели так, будто я собиралась отрезать не волосы, а руку.

Знаете, обычно в сказках девиц с башни спускает прекрас-

ный принц. Карабкается по золотым локонам, шепчет красоты и увозит на белом коне. Мне же предстояло спуститься по собственным волосам самой. При этом выслушивая их ворчание.

— Если ты сейчас передумаешь, — продолжила коса, — клянусь, задушу тебя во сне. Лицо останется красивым. Об эстетике позабочусь.

— Это так ми-и-ило.

— Я стараюсь.

Мою косу звали Косма. Имя она выбрала себе сама, когда заговорила в первый раз. Тогда мне было десять, и я ревела в углу после того, как Морана в очередной раз вытягивала мою силу, практически иссушивая донельзя.

Именно в этот момент у меня прямо над ухом низкий и до отвращения самодовольный голос произнес:

— Перестань рюмсать.

С тех пор мы и жили вместе. Я, башня и моя говорящая золотая коса, которая считала себя главной достопримечательностью этого тела.

Я набрала воздуха:

— Ну, с богом!

— С каким? У нас тут ни одного приличного на весь горизонт.

Что правда, то правда. Я сжала секатор и резанула.

Коса заорала.

Точно знаю, что не от боли, ведь у волос нет нервов. Я

проверяла, втыкая в Косму булавки, пока та спала, если, конечно, нежить вообще спит. Насколько Косма нежить, конечно, вопрос, но... Волосы-то структура мертвая. По крайней мере те, что на голове, а не внутри нее. Да и сама себя она тоже величала нежитью, поэтому все по форме.

В общем, вопила Косма от возмущения. Прямо как при-
мадонна, которой посреди арии уронили занавес на голову. Стальные лезвия со скрежетом прошли сквозь то, что любой нормальный человек принял бы за обычные волосы, и тяжелая золотая змея с глухим стуком рухнула на пол. Заизвивалась, вскинула обрезанный конец, будто принюхиваясь, и замерла.

— Ты. Меня. Отрезала, — произнесла Косма с расстановкой.

— Мы. Это. Обсуждали.

— Я думала, ты трусишь!

— Я тоже так думала, — честно призналась я и потерла внезапно легкий и непривычно голый затылок. Как свежо-то. Лет с пяти на мне висело столько волос, что они постоянно тянули назад. А теперь — ничего.

Косма потянулась к моей ноге, по-хозяйски обвилась вокруг лодыжки и поползла вверх, устраиваясь привычным грузом на плече.

— Раз уж ты совершила это варварство, — проворчала она, — изволь хотя бы спускаться по мне аккуратно. Я живая, вдруг ты забыла. И вообще, золото царапается.

— Ты — нежить.

— А кто будет выпендриваться, тот останется в башне.

— Ладно-ладно, но ты не золото. Что за тебя купишь?

— Просто надо уметь торговаться.

Я хмыкнула. У Космы было потрясающее умение одной фразой оскорбить себя, меня и весь мир, ухитрившись при этом остаться совершенно довольной.

Подойдя к окну, я шумно выдохнула. Далеко-далеко внизу, под седым утренним туманом, темнел лес. Башня стояла на скале, и нормальной двери тут не имелось. Морана входила и выходила через зеркало, а мне зеркала были заказаны. Восемнадцать лет один и тот же вид: лес, скала, вороны и розы.

И, конечно, Морана с пустыми глазами и теплой улыбкой, которая никогда не доходила до этих глаз. Она садилась напротив, брала меня за руки, перебирала мои волосы и тянула... силу.

Я не знала названия этому, пока подслушанный разговор не сложился в картинку. Знаю только, что я для нее как батарейка, которой любящая мамочка подзаряжала себя каждую неделю. Была ли она моей настоящей матерью? Нет, конечно. Но, по ее словам, родители умерли, а она забрала к себе несчастное дитя.

Самое смешное... я ведь долго думала, что это любовь. Что женщина, запершая ребенка в башне без двери, делает это от большой и страшной нежности.

— Мир такой злой, золотце, — говорила она. — Сожрет сразу, только я тебя и берегу.

А потом приходила и брала свое.

Зато кое-что интересное я заметила позже. Однажды, когда Морана тянула особенно жадно, у нее на пальце треснул и осыпался прахом старый перстень с камнем. Дорогой, наговоренный, с защитой от всякой пакости. Рассыпался от одного моего прикосновения, как сухой лист.

Тогда-то Косма и объяснила мне, что во мне... ну, нет волшебства. А как бы наоборот — дыра. Чары рядом со мной гаснут и рвутся. Морана научилась забирать мою силу себе на пользу. А раз она до этого додумалась, то явно были бы и другие желающие. Потому и держала меня в глуши.

— А я бы посмотрела на тебя, окажись ты поближе к людям, — сказала тогда Косма. — Ты бы погасила половину королевства. Представляешь? Чужие амулеты осыпаются, заклятья дохнут, ведьмы рыдают. Красота! Жаль, не увижу.

— Увидишь, — пообещала я. — Мы идем к людям.

— Долго любоваться будешь? — Косма ткнула меня обрезанным концом в щеку, вырывая из воспоминаний. — Эта крыса вернется через зеркало к закату. Если хочешь устроить трогательное прощание, я могу пустить слезу. Я не могу рыдать, но ради такого случая что-нибудь придумаю.

— Прощаться не будем.

— Вот это по-нашему!

Я обмотала отрезанную косу вокруг крюка для ставней.

Крюк не сломался в ураганы, поэтому и меня выдержит.

— Только не жалуйся, что тяжело, — предупредила я.

— Я нежить, мне не тяжело. Мне противно. Это разные...

— ...вещи, я поняла.

Я перекинула ноги через подоконник. Внизу разверзлась пропасть, и захотелось неблагородно заорать. Я зажмурилась.

— Скаже-е-ена!

— Ась?

— Открой глазоньки. С закрытыми ты шлепнешься костей не соберешь.

Спасибо. Очень поддержала.

Решившись, я полезла вниз. Руки горели, ладони скользили по золотым прядям, а ветер увлеченно пытался отодрать меня от стены. В общем, все шло по плану.

Косма комментировала каждое движение:

— Левее, не туда, ты сейчас наступила мне на самое дорогое, давай еще!

Почему-то именно этот гундеж и держал меня в тонусе. На середине спуска наверху что-то блеснуло. Зеркало? Точно, оно!

— Косма!

— Вижу, — резко сказала она, и в голосе впервые не было ни намека на издевку. — Нарисовалась раньше, зараза. Скажена, прыгай! До земли недалеко.

— Это сколько?!

— Прыгай, я смягчу!

Я разжала руки.

Земля встретила жестко, но Косма и правда успела — рванулась и обвила меня, как живой канат. Удар вышел вполсилы слабее, чем должен был. Я перекатилась по мокрой траве, хватая ртом воздух. Наверху в черном проеме окна возникла фигура.

— Рапунцель! — раскатился над лесом голос Мораны. — Куда же ты, золотце? Кто тебя без меня покормит? Кто о тебе позаботится?

Я поднялась на ноги. Колени тряслись, фух. Главное, что эти колени у меня есть.

— Меня зовут Скажена! — крикнула я вверх. — Скажена, слышишь?! Не Рапунцель! Не салат, в честь которого ты меня назвала! *Ска-же-на!*

— Глупышка, — почти нежно отозвалась она. — Я же найду тебя. Я всегда тебя нахожу.

После чего будто растворилась, исчезнув из окна.

— Ну все, — деловито сказала Косма, устраиваясь у меня на плече и стряхивая с себя травинки. — Драматичный монолог имени салата произнесен, теперь можно и бежать. Лес видишь? Валим. И, Скажена...

— Что?

— Хорошее имя. Гораздо лучше, чем салат! Правда...

— Что?

— Слышала, что в одном из соседних королевств перево-

дится вроде как бешеная.

— Ой, все!

За спиной осталась башня и прошлое, о котором я больше не хочу вспоминать.

— Слушай, — окликнула Косма через сотню шагов. — А что мы будем делать дальше?

— Надо найти город, работу и крышу над головой. И как-то освободиться от Мораны.

— О-о-о, — протянула коса с искренним удовольствием.

— А вот это будет весело. У тебя ведь даже плана нет, да?

— Ни малейшего.

— Прекрасно. Обожаю импровизацию.

«Или ненавижу», — мрачно подумала я.

Но вслух ничего не сказала.

Глава 2

До города мы добрались нескоро. Ноги отчаянно гудели, а Косма в сотый раз потребовала, чтобы ее расчесали.

— У меня узлы, Скажена. Я выгляжу как пакля, которой затыкают щели в сарае. Невыносимо.

— Ты выглядишь как коса, которую трое суток волокли через лес, — заметила я. — Это уже чудо, учитывая, что ты живешь отдельно от головы.

— Не напоминай. — Косма обиженно дернулась у меня на плече. — И вообще, прежде чем войти в приличное общество, ты обязана меня спрятать. Я ослепительна. Меня украдут.

В этом, как ни странно, был резон. Поэтому за версту до ворот я остановилась, кое-как смотала Косму в тугую жгут, обернула вокруг шеи и плеч под старой шалью и затянула концы.

— Ды... шать... Не могу... — просипела коса.

— Ты не дышишь!

— Не мешай мне страдать!

— Тогда страдай молча.

Город был... обычным. После башни здесь все казалось почти оглушительным. Каменные дома лепились друг к другу, как грибы на пне. Узкие улочки пахли дымом, навозом и горячим хлебом. Люди сновали туда-сюда, переругивались,

торговались, тащили корзины и... никто, абсолютно никто не смотрел на меня!

Знаете, я думала, что буду бояться. А сейчас чувствовала чистый восторг! Восемнадцать лет тебя берегут в стерильной банке — и вот ты наконец грязь среди грязи. Свобода, оказывается, пахнет конским навозом. Кто бы знал.

— Народу-то, о-о-о! — благоговейно прошептала Косма из-под шали. — Сказана, тут столько чужой магии, что у меня слюнки текут.

Хорошо, что это фигура речи. Коса в слюнях — не самое гигиеничное, что может случиться.

— Тихо.

— Я облизываюсь душой.

Не успели мы пройти и десяти шагов, как из-за цветастого лотка вынырнул сухонький старичок с бегающими глазками и ножницами на поясе. Из-под моей шали предательски выбился золотой завиток, и старичок уставился на него во все глаза.

— Девушка! Девушка, постойте! — запищал он, семена следом. — Я вижу у вас волос! Дайте взглянуть, золотко, я хорошо плачу за хороший волос, мне для париков благородным дамам... Ну, не спешите так, дайте же посмотреть.

— Не продается, — отрезала я, ускоряя шаг.

— Да я ж по-божески! Прялочку! Одну прялочку, золотко!

— Я сейчас укушу его за палец, — мечтательно сообщи-

ла Косма из-под шали. — Можно? Скажена, ну можно? Он покушается на мою честь.

— Нет, не смей!

— Он назвал меня в единственном числе! Волос!

— Цыц.

Старичок отстал только у поворота, что-то бормоча в адрес жадных нищенок. Косма дулась еще квартал, и мне пришлось пообещать, что вечером я расчесу ее гребнем, а не пятерней, как дикарка.

Мы вышли на площадь, и я осмотрелась.

У лотка с амулетами стояла целая толпа. Тетка в пестром платке торговала оберегами от сглаза, порчи и нежеланного жениха. Судя по очереди, последнее пользовалось особым спросом.

Я прошла мимо. Честное слово, просто *прошла*.

Первым лопнул амулет вечной любви. Еще и зазвенел, паразит. За ним осыпался прахом оберег от тещи. Потом разом погасли три наговоренных свечи, треснуло гадальное зеркальце, и хрустальный шар торговли пошел трещинами, будто в него запустили камнем.

— Воровка! — взвизгнула тетка, тыча в меня пальцем. — Сглазила товар! Держи ее!

— Я ничего не делала! — оторопела я.

— Ручками, конечно, нет, — услужливо подтвердила Косма мне в ухо. — Ты прошла мимо и... разорила бедную женщину. Я тобой так горжусь.

— Косма!

Я нырнула в переулок, и толпа недовольно загудела за спиной. Кажется, меня хотели поймать. Нет-нет, мне такого не надо!

Внезапно чья-то рука цепко ухватила меня за локоть и втянула в темный проем двери.

— Тихо, — шепнул женский голос. — Сюда. Быстро!

Я ничего ответить не успела, только услышала хлопок закрывшейся двери.

Осмотревшись, поняла, что оказалась в крохотной лавке, увешанной пучками трав от пола до потолка. Почувствовала запах мяты, полыни и чего-то остренького.

Передо мной стояла востроносая молодая женщина с лукавыми глазами и руками, перемазанными в чем-то зеленом. Логика подсказывала, что это от растений.

— Меня звать Ведой, — представилась она, глянув в щелку между ставнями. — А ты, подруга, ходячая катастрофа. Я тебя за квартал почуяла. Ты вообще знаешь, кто ты?

— Человек? — осторожно уточнила я.

— Гасильщик! — Веда обернулась, разглядывая меня с откровенным восхищением. — Живая прореха, понимаешь? Я думала, вас всех еще в колыбели прибирают к рукам. Дорогая ты девочка, на тебя половина Конвенции облизывается.

— Конвенция магов? — насторожилась я.

О ней я слышала от Мораны, которую это слово явно пу-

гало.

Вместо ответа Веда сунула мне в руки кружку с чем-то горячим, усадила на табурет и велела:

— Иди сюда и чуть отклонись, глянь, что там на доске.

В окно лавки был хорошо виден городской столб объявлений. И на нем, поверх потертых указов и предложений вроде «*Куплю-продам козу*», белел свежий лист с гербовой печатью. Веда прочла его вслух, и с каждым словом мне становилось все холоднее.

Конвенция магов извещала, что почтенная Морана, опекунша по договору с номером таким-то, разыскивает сбежавшую подопечную. Договор опеки заверен по всем правилам и нерушим. Подопечная объявлена недееспособной, а имуществом под опекой — то есть, по сути, мной не владела даже я сама. И что всякий, кто укроет беглянку, отвечает перед законом, а всякий, кто выдаст, получит награду.

— Имущество... — выдохнула я. — Она оформила меня как имущество...

— Угу, — невозмутимо подтвердила Веда. — Опекунский договор Конвенции — штука нерушимая. Его нельзя оспорить, нельзя расторгнуть и даже сжечь. Морана будет тянуть из тебя жилы законно до конца твоих дней, и никто пальцем не шевельнет.

— Прекрасно, — пробормотала я. — Просто прекрасно. Я сбежала из башни, чтобы стать вещью с доставкой на дом.

— Я же говорила, что план у тебя запушня, — раздалось

из-под шали.

— Ты где таких слов понабралась? — поразилась я.

— На заборе прочитала! — довольно сообщила Косма.

Веда подскочила на месте:

— Это что у тебя там разговаривает?!

— Шаль, не обращай внимания.

— Шаль обиделась! — фыркнула Косма.

Веда несколько секунд смотрела на мою шею, потом махнула рукой, мол, в этом городе и не такое видали.

— Так вот про договор... Нерушимый он почти во всем, но есть одна лазейка. Дурацкая и еще с тех времен, когда дочерей считали приданым на ножках, — понизила она голос. — Опека над девицей прекращается, если девица выходит замуж. Тогда все права на нее переходят к мужу. Опекун отваливает.

Я уставилась на Веду во все глаза:

— То есть мне надо просто... выйти замуж?

— Просто? — хмыкнула она и отпила из своей кружки. —

В Конвенции не дураки. Они знают про эту дырку и заткнули ее еще сто лет назад. Чтобы брак расторг опеку, его должен признать настоящим инквизитор Конвенции. А инквизитор у них чует ложь, как ты чуешь чужую магию, хоть, судя по тому, что было, вообще не умеешь управлять своим даром. Если брак фиктивный, его объявляют недействительным. И тогда...

— И тогда меня вернут Моране, — мрачно подытожила я.

— А заодно посадят твоего мужа за подлог, — покивала Веда. — Так что да. Тебе нужен любящий муж, готовый смотреть инквизитору в глаза и не моргнуть. Где ты такого возьмешь, понятия не имею. Времени у тебя мало.

Я молчала, глядя в кружку. Настоящего любящего мужа у меня не было. И времени влюбиться — тоже. Зато было полное отсутствие совести и кое-что куда более ценное в этом городе, раз я ходячее состояние, на которое облизывается половина Конвенции. А значит, кому-то я могла быть очень-очень выгодна.

— Веда... — медленно произнесла я. — А есть в этом городе люди, которые... ну... женятся не по любви?

Веда поиграла бровями:

— За деньги — да?

— За них, — кивнула я.

После этого она уже посмотрела на меня с уважением:

— Ох, подруга, есть один. Профессионал. Только тебе он не понравится.

— Мне не нравится Морана, — отрезала я. — А с ним я хотя бы не связана договором.

— Это пока! — встряла Косма.

— Не умничай тут.

— Бу-бу-бу.

Глава 3

— Сразу предупреждаю, — сказала Веда, пока мы петляли переулками, — Милан тебе наврет. Не со зла. Просто он иначе не умеет.

— Я и не собиралась верить, — буркнула я.

— Все не собираются. А потом верят.

— А почему ты мне помогаешь?

— Старые счеты с Мораной.

Запомним.

Вышеупомянутого профессионала мы нашли у кабака с гордым названием «Сытый упырь». Войти не успели, так как дверь распахнулась сама, и из нее вылетел мужчина спиной вперед. Ноги в воздухе и самое безмятежное лицо, какое только может быть, когда тебе дали пинка.

Он приземлился в грязь у моих туфель, перекатился и вскочил так ловко, будто это был запланированный маневр.

— Господа, — сказал он, обращаясь к темному проему, — это было невежливо.

Из кабака тут же пообещали оторвать ему кое-что ценное.

— Милан, — мрачно констатировала Веда.

— Веда! — расплылся он в улыбке. Улыбка была хорошая. Правда, после такой лучше бы смотреть в оба. Внешность, кстати, очень ничего. Черные кудри, зеленые глаза, нос с горбинкой. Смуглый. И озорства столько, что аж пе-

рехлестывает за край. — А это кто с тобой? Какое... — Он скользнул по мне взглядом. — Небогатое, но честное лицо.

— Я тебе сейчас честно дам в глаз, — пообещала я.

— Боги, она еще и с характером! — Милан восторженно прижал руку к сердцу. — Веда, где ты ее прячешь? Я влюблен.

— Ты влюблен в каждую, у кого есть кошелек, — заметила Веда.

— Но у этой нет кошелька, — справедливо заметил Милан.

— Значит, ты влюблен бескорыстно. Растешь.

Под шалью что-то завозилось. Я почувствовала, как Косма по-змеиному напряглась у меня на плечах.

— Скажена, — прошелестела она еле слышно. — Мне он не нравится.

— Тебе никто не нравится.

— Да. Но он мне не нравится по-особенному!

Милан тем временем отряхнул колени, оглядел меня уже внимательнее и кивнул в сторону подворотни, где было однозначно потише.

— Веда не водит ко мне кого попало. Значит, у тебя проблема, которую решают незаконно. Я слушаю.

Рассказала я все коротко: башня, ведьма, договор и лазейка через брак. Про Косму и про то, что я гасильщик, пока ни слова. Незачем.

Милан слушал, привалившись к стене и сложив руки на

грудь.

На лице кроме скуки ничего не было. Ровно до того места, где я сказала, что инквизитор должен признать брак настоящим. Милан тут же оживился.

— О-о-о... вот как... Это уже интересно. Обмануть того, кто чует ложь, — высшая лига. Я беру дорого.

— У меня нет денег.

— Тогда у нас короткий разговор.

— Зато, — продолжила я, — у меня будет имя, дом и муж, у которого вдруг появляется законная жена с правом на половину всего, что он наживет. Тебе не нужны деньги вперед. Тебе нужна доля.

Врала я отчаянно и вдохновенно, так как доли не существовало. Наживать я ничего не собиралась.

Милан долго смотрел на меня. Потом улыбнулся одними уголками губ.

— А ты быстро учишься.

— Особенно плохому. Потому что было у кого.

Он помолчал, постукивая пальцем по красивым губам.

— Знаешь, что бывает с теми, кого инквизитор ловит на липовом браке? Жену отправляют обратно к опекуну, а мужа уже в подвал Конвенции, где из него год вытягивают, где и у кого он научился врать богам. Я видел тех, кто оттуда выходит. Лучше бы не выходили.

— Тогда не попадайся, — пожала я плечами.

— О, я никогда не попадаюсь, — усмехнулся Милан. —

Но на той стороне стола еще ни разу не сидел тот, кто чувствует ложь так же ловко, как я ее говорю. Будет занятно.

— Так ты согласен? — осторожно уточнила я.

— Пока думаю.

Он думал ровно столько, сколько нужно, чтобы я успела испугаться отказа. А потом кивнул, мерзавец.

— Слушай мои условия, — деловито сказал Милан. — Никаких чувств. Никаких ожиданий. Это работа. Я играю влюбленного мужа ровно столько, сколько нужно инквизитору, получаю свою долю и исчезаю. Ты не плачешь мне вслед. Я не пишу тебе писем. Договорились?

— Идеально! — восхитилась я.

— Тогда последнее. — Он снял с шеи шнурок с потертым серебряным колечком. — Это мой амулет на удачу, который никогда не подводил. Дай-ка проверю, чем от тебя несет, прежде чем лезть в петлю...

Милан не договорил, потому что колечко в его пальцах потемнело, тихо хрустнуло и осыпалось серой трухой прямо в грязь.

Знаете, есть такая тишина, в которую можно положить кирпич, и он не упадет? Вот сейчас воцарилась именно такая.

Милан медленно перевел взгляд своих невероятных зеленых глаз с трухи на меня. И вот тут что-то в его лице переменялось. Быстро-быстро, будто мелькнула тень птицы. Скука сошла, словно и никогда не было. Зато можно было прямо

увидеть, как мысленно он что-то считает. И результат выходит очень... очень большой.

— Гасильщик... — тихо сказал он. — Да ты живая прореха, девочка.

— Это что-то меняет? — спросила я как можно ровнее.

— Нет, — быстро ответил Милан и улыбнулся... слишком тепло. — Совершенно ничего.

— Скажена, — зашипела Косма мне в ухо. — Слышишь, как он соврал? Я нежить, а у меня и то мурашки. Давай я его задушу прямо сейчас. Тоже аккуратно, все-таки я эстет.

— Тихо, — шепнула я.

— Я даже лицо ему оставлю красивым!

Милан склонил голову набок и невинно заметил:

— У тебя шаль разговаривает.

— Просто ты ее довел до цугундера.

— Поня-я-ятно, — протянул он. — Что ж, госпожа живая прореха... У тебя только что появился муж.

— Еще нет, — фыркнула я.

— Это легко исправить.

Надо отметить, тут Милан не соврал.

Венчал нас в соседней подворотне расстрига по имени Бранко — человек, которого лишили сана за что-то, о чем он отказывался говорить, а потому, надо полагать, за все сразу. Моей свидетельницей была Веда. Свидетельницей со стороны жениха — пустая бочка из-под капусты. Косма в качестве гостыи.

Бранко послунил палец, перелистнул страницу и забубнил над замусоленной книжицей:

— Берешь ли ты эту женщину в законные жены?

На улице накрапывал дождь, и где-то рядом ругались ко-
ты. Романтика.

— Беру, — сказал Милан с такой искренностью, что мне на секунду стало не по себе.

Профессионал. Мое уважение.

— А ты, — повернулся он ко мне, — берешь ли этого...

— Возражаю! — взвыла Косма из-под шали.

Бранко уронил книжицу.

— Это... это нормально, — поспешно сказала я, поднимая ее с брусчатки. — Беру я его, беру. Продолжайте.

— Я официально возражаю! — не унималась Косма. — Я требую внести мое возражение в протокол! Где протокол?!

— Нет никакого протокола.

— Тогда я возражаю без протокола!

Бранко обвел нас задумчивым взглядом, решил, что за те деньги, которые мы ему всучили, вникать не обязан.

— Объявляю мужем и женой. Целоваться будете?

— Нет, — сказали мы с Миланом одновременно.

— И слава богам, — пробормотал Бранко, забирая монету, после чего удалился, даже не оглядываясь.

Милан повернулся ко мне с профессиональной и поэтому ничего не значащей улыбкой. Черные пряди намокли и липли к его лбу и шее. Все же совершенно неотразимая физио-

номия. Даже так. Будь он повыше происхождением, от купцовых дочек да мелких дворянок отбою бы не было.

— Поздравляю, дорогая, теперь мы женаты.

— Не называй меня дорогой.

— Привыкай. Как только появится официальная запись про наш брак в нужном месте, к нам приедет человек, который чует ложь, и придется убедить его, что мы без ума друг от друга. — Он подал мне локоть с издевательской галантностью. — А пока, жена, нам бы научиться хотя бы стоять рядом без желания поубивать друг друга.

— За себя говори, — проворчала Косма.

И, честное слово, в кои-то веки я была с ней полностью согласна.

В общем... жить мне предстояло у Милана. Иначе ничего у нас не получится. Живущие порознь супруги вызовут тьму вопросов.

У Милана оказалась весьма приличная комната. Но одна. Кровать тоже приличная, но... угу, догадайтесь.

— Я сплю на ней, — сообщила я.

— Разумеется, — хмыкнул он. — А я?

— А ты на полу. Или на своей доле спи, ты ее так любишь.

— Жестокая женщина. — Милан возвел очи горе и кинул мне подушку. — Запоминай легенду, Скажена. Мы познакомились прошлой весной на ярмарке. Ты уронила платок, а я поднял. Романтично.

— Но я не ношу платков, — возразила я.

— Теперь носишь. Нас будут проверять, понимаешь? Если на вопрос о том, где мы встретились, начнешь чесать в затылке, нам обоим конец.

Тут он, конечно, прав.

Когда я легла лицом к стене, Косма свернулась рядом теплым тяжелым кольцом и тихонько шепнула:

— Я буду спать вполглаза. Один шаг к тебе ночью — и он не проснется.

— Если он шагнет, значит, уже проснулся.

— Не нуди.

И на этом всем, под ровное дыхание чужого человека, который за один дождливый вечер стал моим мужем, закончился первый день моей свободы.

Свобода, как выяснилось, спала на полу и храпела.

Глава 4

Первое утро замужней жизни началось с того, что меня разбудил собственный скороспелый муж. Он стоял над кроватью, разглядывая меня с глубокой задумчивостью.

— Что? — хрипло спросила я, натянув одеяло к подбородку.

— Ты во сне скрипишь зубами. Громко. Я думал, что в доме кто-то пилит дрова.

— А ты во сне разговариваешь с какой-то Бояной, матерью двоих дочерей.

Милан изогнул бровь:

— Ты про мачеху Елизары?

— Какой еще Елизары? — не поняла я.

— Ну как же... племянницы королевы Герганы.

Да откуда мне знать и... Я вовремя прикусила язык. Восемнадцать лет в башне не слишком способствуют знанию того, что происходит вокруг. Но очередной раз вспоминать об этом не очень-то хотелось.

Короче... жить с чужим человеком, оказывается, противно. Он раскладывает вещи не там. Насвистывает. Пьет мою воду из моей кружки и делает вид, что кружка общая, потому что мы, видите ли, женаты. А еще он просто везде! Восемнадцать лет я была только с Космой и собственными мыслями, а теперь рядом дышал, ходил и насвистывал песню о блуд-

ливой птичке посторонний мужчина.

— Ты заняла весь подоконник своими... — Милан брезгливо ткнул в мои сушеные пучки от Веды. — ...Вениками.

— Это травы от сглаза, от злого навета и... от тебя.

— Травы от меня не помогут, — заметил он.

— Просто раньше никто так не пробовал?

Милан хмыкнул, оценив ответ. Кое-как мы нашли общий язык, а вот Косма... Косма страдала громче всех.

Первую ночь она провела, обследуя его карманы. Я узнала об этом утром, когда она зашипела мне прямо в ухо:

— Сказана, там две колоды карт, и обе крапленные. Три разных перстня, и на каждом чужой герб. Долговая расписка, по которой он кому-то должен столько, что проще умереть. И запечатанное письмо. Я не смогла открыть, у меня нет пальцев, поэтому смотрела на него и очень страдала.

— Ты рылась в чужих вещах, фу.

— Я охраняла тебя. Это...

— ...разные вещи, я помню.

Где-то в полдень явилась Веда с корзиной, в которой что-то подозрительно булькало. А еще у травницы было такое лицо, будто пришла спасать безнадежных.

— Так, молодожены! — Она брякнула корзину на стол. — Я навела справки и узнала, что инквизитора, которого пришлет Конвенция, зовут Здравка. И у меня для вас две новости.

— Начиная с плохой, — быстро сказал Милан.

— Обе плохие. Итак, первая: Здравка не из тех, кого можно споить или подкупить. Вторая... она чувствует не только прямую ложь. А вот еще, когда между двумя людьми... как бы это сказать, пусто. Влюбленные знают друг друга в мелочах. Вы не знаете друг о друге ни черта.

— Мы знаем, — возразил Милан. — Ее зовут... Э-э-э...

— Сказана, — подсказала я.

— Я помнил! Я проверял тебя.

— Синие вештицы, — закатила глаза Веда, воззвав к какому-то неведомым мне существам. — Да вы покойники.

И начался ад, который Милан гордо называл репетицией.

Он гонял меня вопросами, как самый настоящий инквизитор. Где познакомились? На ярмарке, там я уронила платок. Как зовут его покойную мать? Ягода. Есть ли у него шрам? А где? Есть, на левом боку от ножа. Хочешь покажу? Нет!

И так далее. Я путалась, Милан раздражался, Косма комментировала каждый мой провал с нескрываемым наслаждением:

— Опять забыла про ярмарку. Запушня, а не жена. Эй, носатый, я бы влюбилась в тебя убедительнее, и то лишь от безысходности.

— Тебя никто не спрашивал, — фыркнул Милан.

Надо отдать ему должное: к говорящей косе, которая жила отдельно от моей головы, отнесся совершенно философски.

— А зря! Меня инквизитор тоже услышит, между прочим.

Что я ему скажу? Я — коса вашей подозреваемой, и муж ей не нравится? Прекрасная защита.

Мы с Миланом на секунду замолчали. Косма была права. Ее точно придется прятать.

Веда не растерялась и порылась в корзине, выудив склян-ку с чем-то оливково-зеленым и вязким по консистенции.

— Вот, смотрите, есть сонная смола. Мажешь по всей длине, и твоя говорливая подруга на сутки превращается в обычную дохлую косу. Ни звука, ни шевеления. Красота.

— Я возражаю! — взвилась Косма. — Меня усыпляют, как блохастого пса!

— Тебя спасают, — отрезала Веда. — Учует инквизитор нежить на шее подозреваемой, и уже никакой брак вас не вытащит. Свернем в прическу, замажем, будешь молчаливым украшением.

— Раз украшением... — чуть смягчилась Косма. — Ну хотя бы честно. Я и есть украшение.

— Главное украшение, — поддакнула я, оценив, как на эту паразитку действует лесть.

— Скажена, не подлизывайся, но... продолжай.

— Еще раз! — скомандовал Милан. — Я инквизитор и задаю вопросы. Где вы встретились?

— На ярмарке. Я уронила платок.

— Какой платок?

— ...в смысле?

— Синий? Красный? С каймой? Бабушкин? Инквизитор

спросит цвет, а ты будешь молча пыхтеть.

— Зеленый, — выпалила я.

— Желтый, — сказал он одновременно.

Веда уронила лицо в ладони.

Мы начали заново. А потом еще раз. К десятому кругу я ненавидела вымышленный платок всей душой. А вот на пятнадцатом... случилось странное.

— Чего ты боишься? — спросил Милан.

— Остаться чьей-то вещью, — даже не задумавшись, ответила я.

Он не съязвил и не улыбнулся шире. Замолчал. И секунду мы просто смотрели друг на друга, два жулика, которым нечем крыть.

— Вот, — тихо сказал он. — Такому поверит и инквизитор. Потому что это правда, которую повернули в нужную сторону.

К вечеру я знала про своего фиктивного мужа больше, чем про кого-либо на свете, и это было унижительно. Оказывается, он не ест лук. Его мать действительно умерла. А еще, когда он врет по-крупному, то улыбается шире, а когда говорит правду — наоборот, замолкает.

Последнее я подметила сама. И почему-то не сказала, что подметила. В какой-то момент Милан устал гонять меня и просто сел напротив.

— Слушай, Скажена, — тихо сказал он. — Скоро придет человек, который смотрит сквозь людей. Хочешь выжить

— не ври ему. Бери правду и поворачивай нужным боком. Правда тоже умеет лгать. Получше всего остального, между прочим. Меня... этому учили долго. И тех методов я никогда не забуду.

— Кто учил? — нахмурилась я.

Его улыбка вернулась мгновенно, так ослепив, что захотелось зажмуриться.

— Неважно. Учи легенду, дорогая!

В тот момент я поняла, что хлыщ из подворотни — маска. А что под ней... не знаю. И, кажется, не хочу знать.

Ночью, когда Милан уснул на полу, в дверь поскреблись. Я приоткрыла, и мальчишка-посыльный сунул мне сложенный вчетверо листок. После чего растворился в темноте, не взяв и монеты. Это пугало больше всего. Бесплатный посыльный — это чужой посыльный.

Я развернула бумагу и скользнула взглядом по строкам:

«Подтверждаю интерес к товару. Цену обсудим, когда удостоверюсь, что она — то, о чем ты пишешь. Жди».

И только клякса вместо подписи.

Я перечитала трижды. *Товар*. В этом городе я знала только один товар, который стоил отдельного письма с кляксой.

— Сказана? — Косма проснулась и напряглась, свившись кольцом у меня на плечах. — Это же письмо ему, точно. Я узнаю почерк того, кому он должен.

— Откуда ты...

— Я же говорила, что рылась в карманах.

Я посмотрела на спящего мужа. Безмятежное лицо человека, который улыбается шире, когда врет. И... спрятала письмо у себя в сумке. Очень надеюсь, что в отличие от Космы Милан нигде не лазит.

— Ты ему ничего не скажешь? — удивилась Косма.

— Скажу. Потом. Когда буду уверена, что он понадобится мне меньше, чем я ему.

— О-о-о, — протянула коса с уважением. — Башня тебя ничему не научила, а один день в браке — научил. Прогресс!

Через несколько дней в дверь снова постучали. На этот раз твердо и размеренно, точно не посыльный.

Я подошла к двери, чувствуя, как все амулеты квартала где-то на улице тихо умирают от моего приближения к порогу. На самом деле нет, но для драмы было бы красиво.

За дверью стояла женщина в сером дорожном плаще. У нее были внимательные серые глаза, светлые волосы и знак Конвенции на груди — серебряное око без века.

— Доброе утро, — ровно сказала она. — Меня зовут Здравка. Я приехала убедиться, что ваш брак действительно настоящий.

Милан за моей спиной с безупречной нежностью произнес:

— Дорогая, что же ты держишь гостью на пороге?
Началось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.